

во Франціи. Въ совѣмъ иномъ положеніи находился Александръ Романовичъ, который около этого времени покинулъ столицу и, проживая въ своемъ имѣніи, нуждался въ новостяхъ о томъ, что происходило на Западѣ. Поэтому Завадовскій считалъ своимъ долгомъ сообщать ему обо всѣхъ событіяхъ во Франціи, такъ что его письма, въ отношеніи къ этому предмету, походятъ на газету. Элементъ фактическихъ данныхъ преобладаетъ. Мѣстами разсказъ освѣщается отзывами о лицахъ и вещахъ. Говоря о событіяхъ во Франціи, Завадовскій хвалилъ способности Дюмуре. „Армія безъ него,—говорилъ онъ,—какъ стадо безъ пастыря, но антизмъ еще не простываетъ. Мнимая вольность народъ движетъ... Развѣ нужда и истощеніе образумятъ и дадутъ мать якобинцамъ“ и пр. Не безъ раздраженія онъ описывалъ подробности казни королевы Маріи-Антуанеты (93), не безъ желчи разсуждалъ объ образѣ дѣйствій Пруссіи. Попадаются довольно оригинальные обороты, въ родѣ слѣдующихъ: „Безштанники (т.-е. sansculottes) всѣмъ адомъ ворочаютъ“; или: „въ Парижѣ и во всемъ королевствѣ мадамъ гиллетина, проливая кровь, всѣхъ въ трепетъ приводитъ“; или: „Волканъ французскій едва ли могутъ погасить устремляемыя на оной силы“; или: „въ Парижѣ свѣченіе головъ обоого пола всендневный спектакль“; или: „Богъ одинъ вѣдаетъ, чѣмъ и когда угаснетъ сей пламень ада!“ По поводу заключенія Пруссіею базельскаго мира: „Миръ короля прусскаго долготу наложилъ на всѣ лица“.

Немногимъ позже общее вниманіе на себя обращалъ Наполеонъ, вскорѣ сдѣлавшійся опаснымъ для всей Европы. Пока, однако, по крайней мѣрѣ, во время царствованія императора Павла, Завадовскій не считалъ его подвиги особенно важными для Россіи. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній, относящихся къ Наполеону, не лишены интереса. Такъ, напр., онъ писалъ 19-го января 1798 года: „Колико ни чудотворцы французы, но гдѣ вода входитъ, тамъ англичане сломятъ шею и самому Аннибалу Бонапартѣ“; а далѣе, говоря объ успѣхахъ французскаго оружія: „Спросишь, что же мы думаемъ? отвѣтъ готовъ: кто имѣетъ за 30 милліоновъ народа, 80 доходовъ и 400,000 войска, тотъ можетъ взирать покойно на всѣ настоящія превратности вдали, въ полной надеждѣ на свой собственный счетъ“. Въ другомъ письмѣ: „Уголъ нашъ такъ глубокъ, что, дая убѣжище несчастнымъ, вниманія ихъ тѣмъ не встревожитъ“. Въ мартѣ 1798 года: „Баютъ о высадѣ въ Англію. Прости, что сей пунктъ я считаю за химеру, и не испугайся, что французы уже вошли въ Римъ, объявили папу лишеннымъ свѣтской власти,